

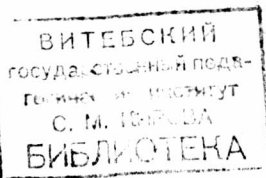
Ленинградский Государственный Педагогический Институт
им. А. И. ГЕРЦЕНА
КАФЕДРА ИСТОРИИ С.С.С.Р.

В. И. КАБАШ

**Крестьяне и крестьянское движение
в С.-Петербургской губернии
в конце XVIII и первой четверти XIX в.в.**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЛЕНИНГРАД

1958

К 12
ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Министерство просвещения РСФСР
Ленинградский Государственный Педагогический Институт
им. А. И. ГЕРЦЕНА
КАФЕДРА ИСТОРИИ С.С.С.Р.

В. И. КАБАШ

Крестьяне и крестьянское движение
в С.Петербургской губернии
в конце XVIII и первой четверти XIX в.в.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЛЕНИНГРАД
1958

20504173

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук профессор Н. Н. Степанов

Кандидат исторических наук доцент Ю. В. Кожухов

Защита состоится в Ленинградском институте им. А. И. Герцена
Ленинград

Автореферат разослан „10“ ноября 1958 г.

Ответственный редактор

доктор исторических наук профессор В. И. Бернадский

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

История крестьян и крестьянского движения периода разложения феодально-крепостнического способа производства в России имеет особенно важное значение для раскрытия закономерностей общественного развития. Исследуя проблему зарождения капитализма в России, Ленин всегда уделял исключительное внимание крестьянству, как основному элементу производительных сил феодально-крепостнического общества.

Если проследить историю России с начала шестидесятых годов XVIII и до конца первой четверти XIX столетий, то легко убедиться в значительных успехах в области развития товарно-денежных отношений. Эти успехи особенно наглядны на примере Петербургской губернии. Уже в первой четверти XIX столетия развивающиеся производительные силы достигают такого уровня, при котором старые производственные отношения становятся тормозом движения вперед. Это влекло за собой дальнейшее углубление противоречий крепостнического режима, что проявлялось через стихийно растущее вширь и вглубь крестьянское движение. Подъем антифеодального крестьянского движения стал вдохновляющей силой для выступления Радищева и дворянских революционеров в лице декабристов. Крепостнический режим оказался в кругу таких противоречий, полностью устранить которые могла лишь революция.

Автор поставил перед собой задачу исследовать и раскрыть закономерности общественного развития России периода разложения самодержавно-помещичьего строя на материалах истории крестьянства С.-Петербургской губернии.

Основными источниками написания исследования послужили документы 22 фондов Центрального Государственного Исторического Архива Ленинграда (ЦГИАЛ) и Исторического Архива Ленинградской области (ГИАЛО). Используются документы, характеризующие состояние помещичьего и крестьянского хозяйства С.-Петербургской губернии, а также дела о неповиновении помещикам крестьян.

Исследование состоит из введения и трех глав.

Во введении дается общая характеристика периода разложения крепостнического способа производства в России, формулируется задача исследования и даются краткие сведения об использованных печатных и архивных источниках.

Глава II — 69. Развитие помещичьего хозяйства. Развитие С.-Петербургской губернии в первой четверти XIX столетия посвящена исследованию состояния помещичьего и крестьянского хозяйства, сложившегося под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений.

Превращение С.-Петербурга в столицу и важнейший торгово-промышленный центр страны способствовало его быстрому росту. Если в 1750 году в С.-Петербурге проживало 80.000 населения, то в 1825 году — около 425.000. К этому времени городское население губернии составляло 53,3% по отношению к сельскому. Однако, в первой четверти XIX века С.-Петербургская губерния продолжала оставаться аграрной губернией с явно выраженными чертами экстенсивного натурального хозяйства. Из 3.767.797 десятин всей земли, под пашнями в трех полях находилось всего 531.113 десятин (14,1% к общей площади). В С.-Петербургской губернии господствовала трехпольная система, значит, ежегодно обрабатывалось примерно 355.000 десятин, или около 10% к общей площади.

Развитие товарно-денежных отношений, а также значительный рост городского населения определяли направление развития сельского хозяйства губернии. Вокруг столицы в помещичьем и крестьянском хозяйствах получили развитие огородное, плодоягодное, птицеводческое и молочно-продуктовое хозяйство, рассчитанное на удовлетворение рыночного спроса. В отдаленных от столицы уездах преобладало производство зерновых культур (особенно фуражных — овса и ячменя) и разведение продуктового скота.

Важнейшим показателем процесса разложения феодально-крепостнического способа производства является развитие промышленности. В 1815—1817 годах в С.-Петербургской губернии насчитывалось 192 различных частных промышленных предприятий мануфактурного типа, из которых в столице размещалось 136 и в уездах — 56.

Из 32 видов частного промышленного производства в восемнадцати работали исключительно вольнонаемные рабочие; в шести видах они решительно преобладали над крепостными, и лишь в восьми видах число вольнонаемных рабочих уступало крепостным. Из 5274 рабочих, занятых на частных предприятиях в 1815 году, 3426 были вольнонаемными.

Одним из признаков проникновения товарно-денежных отношений в деревню является развитие ярмарочной торговли. По данным гражданского губернатора Щербинина в каждом уезде С.-Петербургской губернии ежегодно устраивалось от 8 до 11 ярмарок, с общим оборотом до 1,5—2 миллионов рублей в год по всей губернии.

Развитие товарно-денежных отношений оказывало влияние на помещичье хозяйство. Деньги становились той волшебной силой, перед которой оказывались бессильными даже самые ярые поклонники старины. Из-за денег помещик приспособливает свое

хозяйство к потребностям рынка, перевел крестьян с барщины на оброк, отменил крепостные отношения и создал условия на эксплуатации дарового труда крепостных.

Если взять данные о числе помещиков и принадлежавших им крепостных крестьян обоего пола по четырем из восьми уездов (по Ямбургскому, Ораниенбаумскому, Царскосельскому и Новолadoжекому), то получим такую картину: из 365 помещичьих владений 151 имение (41,4%) с числом крепостных от 1 до 50 душ, следует отнести к мелким; 133 (36,6%) — к средним (от 50 до 300 душ), 53 (14,5%) — к крупным (от 300 до 1000 душ) и 28 (7,7%) — к крупнейшим (с числом крепостных более 1000). Из 112521 крепостных крестьян мелким помещикам принадлежало всего 3146 (2,8%), средним 19260 (17,2%), крупным — 29126 (26%) и крупнейшим — 60989 (54%).

Сохраняя в неприкосновенности старые производственные отношения, помещики пытались приспособить свое хозяйство к новым условиям развивающихся товарно-денежных отношений. Так, например, барон Александр Ролль в компании с купцом Сутговым имел в С.-Петербургском уезде суконную фабрику, на которой работало 62 крепостных и 54 вольнонаемных рабочих. Одновременно Ролль состоял придворным банкиром, занимался ростовщичеством и скупкой земель обанкротившихся помещиков. Типичным представителем помещичьего предпринимательства был барон Унгерн-Штернберг, вотчина которого находилась в Ямбургском уезде. Он занимался производством речных судов, разработкой строительного леса, заготовкой дров на топливо для столицы, производством фуража. На всех работах использовались крепостные крестьяне 23 деревень ему принадлежавшей Итовской вотчины, в которой числилось около 3000 душ обоего пола. Поскольку владельцы крупнейших латифундий за редким исключением эксплуатировали крепостных крестьян при помощи денежного оброка, они освобождали себя от забот по агротехническому улучшению своего и крестьянского хозяйства. Предоставляя крестьянам относительную свободу по изысканию оброчных денег, владельцы имений типа графа Пален не интересовались, откуда и как они их добывали. Главное заключалось в полном и своевременном поступлении оброка, который, как правило, расходовался на производственные цели. Например, в 1813 году по Царскосельскому имению графа Пален было израсходовано 52129 рублей 28 копеек, из них на содержание семьи 46636 рублей 12 копеек или 89,4% к общему расходу. Пример, ярко иллюстрирующий паразитический характер помещичьего хозяйства.

Сама природа феодально-крепостнического строя не оставляла необходимого простора для более или менее свободного развития крестьянского хозяйства. Продолжая оставаться основной производительной силой, крестьянство несло на себе непрерывно растущие государственные, помещичьи и земские повинности. В письме к Кугельману Маркс подмечал, что „причина обнищания русских крестьян та же, в силу которой нищенствовали и французские

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

крестьяне при Людовике XIV и т. д., — государственные налоги и оброк крупным земельным собственникам¹⁾. Это утверждение Маркса как нельзя лучше объясняет нам причины обнищания и разорения крестьян С.-Петербургской губернии первой четверти XIX века.

Втягивание крестьян С.-Петербургской губернии в товарно-денежные отношения влекло за собой изменения в их хозяйстве. Все больше и больше расширяется их связь с рынком через куплю товаров народного потребления, продажу продуктов своего труда и особенно рабочей силы. „Обращаясь всегда в промыслах и работах как внутри губернии, так и в столице, как-то: извозничество, занятие по судоходству, рыбной ловле и некоторых рукоделниях, имеют всегда способ доставить себе безбедное пропитание“, — говорится в одном донесении комиссии по расследованию причин волнения среди крестьян графа Разумовского. В одном из повелений на имя старосты села Вознесенского и деревни Новой Шлиссельбургского уезда граф Шереметев писал: „Крестьяне, промысливающие ловлей птиц, занимааясь одним таким промыслом, не имея никакого рачения о хлебопашестве, полюсы свои оставили заросшими, и находясь более в праздности, обращаются в пьянство...“. Большая часть крестьян села Вознесенского и деревни Новой была разорена и жила за счет заработков по найму. „За сим же по необычной дороговизне хлеба крестьяне находятся очень неимущественны и недовольны на оплате оброка, по и на хлеб своего семейства с великою нуждою промыслить не могут“, — доносил староста молодому графу по поводу наложенного оброка на 1809 год. Донесение о тяжелом положении крестьян было взято под сомнение, а старосте предлагалось произвести точную опись имущества каждого хозяйства в отдельности.

Эта опись была произведена в соответствии с приказом, и ее данные представляют исключительный интерес, поскольку при их помощи есть возможность проследить степень глубины процесса разложения крепостнического хозяйства. „Из оных 33 дворов в порядке находятся только восемь дворов. Скота у всех находится: лошадей — 15, а коров — 12. Хлеба сеют малость, только для одной славы, да и тот без огорожи пропадает от погрома скотом“, — комментировал подворную опись имущественного положения крестьян староста Иванов. Чем же занимались крестьяне села Вознесенского и деревни Новой и что было основным источником их жизни? Об этом мы узнаем из рапорта того же старосты на имя графа Шереметева от 5 мая 1809 года, который писал, что „с наступлением весны все здоровые и взрослые мужчины уходят на работу по найму в качестве матросов на суда по Неве, где находятся до глубины заморозков“. В другом месте этого же рапорта староста писал: „А промысел имеют от работ судовых и прочих у хозяев на стороне“. Таким образом, боль-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, „Избр. письма“. ОГИЗ, 1947 г., стр. 233.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

шая часть крестьян села Вознесенского и деревни Новой уже в начале XIX века лишилась средств производства и превратилась в отходников. Другая, меньшая часть, сочетала отходничество с земледелием, которое играло в хозяйстве не главную; а подсобную роль. Небольшая зажиточная часть крестьян занималась самостоятельным промыслом, сочетая его с земледелием.

Аналогичная картина наблюдалась в хозяйстве крестьян Царскосельского уезда, среди которых широко были развиты промысел и отходничество. „Уезд сей, производя всегда ограниченное хлебопашество, довольствуется покупным хлебом из уездов Новгородского и Лужского, а равно и с пристаней Усть-Ижорской и Усть-Тосненской и частью из С.-Петербурга“.

Вследствие упадка крестьянского хозяйства в начале XIX века в С.-Петербургской губернии стал ощущаться острый продовольственный кризис. В одном из указов правительствующему Сенату говорилось, „что по количеству собственных хлебных произведений здешней губернии, она, при самом лучшем урожае, может иметь хлеба на продовольствие только в течение 8 месяцев, а в остальные 4 месяца крестьяне довольствуются привозным...“

Одной из основных причин разложения феодально-крепостнического способа производства является застой в развитии сельскохозяйственной техники крестьянского хозяйства и падение производительности труда на барщине. Вот почему уже в начале XIX века среди помещиков С.-Петербургской губернии стали раздаваться голоса за преимущество вольнонаемного труда перед крепостным. Так, например, автор „Мысли о размножении около С.-Петербурга хлебопашества“ Чижев считал, что один вольнонаемный сделает больше, чем пять крепостных.

В то время, когда развивающийся по пути к капитализму город предъявлял к деревне новые требования на сырье и продукты, там продолжала господствовать патриархальщина, порождавшая несоответствие между спросом на продукты крестьянского труда и предложением их.

Упадок крепостного хозяйства чувствовался во всех проявлениях экономической жизни губернии: в обезземеливании крестьян и сокращении запашки; понижении производительности труда и урожайности; росте дороговизны на продукты питания и предметы потребления.

Разорение крестьянского хозяйства было одновременно упадком феодально-крепостнического способа производства в целом. Крестьянин перестал быть аккуратным выполнителем государственных повинностей. По данным Петербургской губернской казенной палаты о сборе податей на 28-ое августа 1798 года за крестьянами числилось недоимок 138644 рублей 22,5 копеек. К 1802 году недоимки по губернии возросли до 423.362 рублей.

Вторая глава исследования посвящена дальнейшему развитию крепостнических форм эксплуатации крестьян С.-Петербургской губернии в изучаемый период (1790–1825 годы).

Попытки петербургских помещиков организовать товарное

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

производство на старой крепостнической основе терпели неизбежный крах, как только в действие вступали противоречия между крепостнической эксплуатацией труда и товарной формой производства. В то время, когда помещик, перестроивший свое хозяйство на товарный лад, был заинтересован в том, чтобы больше получить товарной продукции, основной производитель, крепостной крестьянин, оказывал этим тенденциям упорное сопротивление.

Основными формами эксплуатации крепостных крестьян в С.-Петербургской губернии были барщина и денежный оброк.

Уже в 90-х годах XVIII века Радищев засвидетельствовал шестидневную барщину в С.-Петербургской губернии.

Помещик Ораниенбаумского уезда Талубеев довел барщину до семи дней, лишив крестьян возможности обрабатывать свои поля. Больше того, он ввел трехдневную барщину для детей. И, как следствие, крестьянские поля заросли бурьяном, дворы разорились, лошади и скот пали, а самих крестьян настигла угроза голодной смерти.

Еще более жестоко поступал со своими крестьянами помещик Фолярд, исполнявший должность исправника в Ораниенбаумском уезде. Властями было установлено, что Фолярд „изнуряет крестьян господскими работами, приказывает гонять их на оную в праздничные дни, причиняет им совершенное разорение, не дает никаких припасов и забрал все к себе, от чего пало у них много скота, и они не имеют теперь у себя куска хлеба“.

Помещица Новоладожского уезда Березовская требовала, чтобы „на барщину крестьяне ходили три дня, да кроме того они обязаны вывозить по двадцати кубических сажений дров из леса, а зимой наряжать одну подводку для поездки в С.-Петербург, лежащий в ста десяти верстах от села“.

В 1796 году помещик С.-Петербургского уезда Опитц сдал свое имение Карлу Теренбергу за 9.000 рублей в год. Не связанный ни с каким риском за последствия, Теренберг подошел к делу как хищник. Чтобы гарантировать успех, Теренберг установил очень высокие нормы выработки. Летом он изводил крестьян непрерывной барщиной на господском поле, а осенью и зимой не давал передышки на лесных разработках и гужевых повинностях. В порядке перестраховки и скидки на „лень“ он 5—6-дневную подводную повинность засчитывал за два дня, а работу на господском поле при зачете сокращал вдвое.

Однако в условиях С.-Петербургской губернии барщинное хозяйство было менее выгодным по сравнению с оброчным. Этим и объясняется то обстоятельство, что уже во второй половине XVIII века в С.-Петербургской губернии наметилась тенденция к расширению оброчной системы эксплуатации крестьян за счет сокращения барщины. В первой четверти XIX века процесс вытеснения барщины денежным оброком значительно усилился. Например, у помещика Ямбургского уезда Ф. Блок в 1814 году преобладала барщина. Но уже 1818 году барщина резко сокра-

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

тилась, тогда как доход от денежного оброка возрос в $1\frac{1}{2}$ раза. В Парголовском имении графини Е. П. Шуваловой в 1807 году из 178 тягл на барщине находилось всего лишь 51. В Гостилицком имении графа П. К. Разумовского в 1821 году из 837,5 тягл на барщине находилось 386,5. Помещики Апрелев, Кусовников, Бистром, Шкурин, Черкасов, Корсаков прибегали к барщине, однако оброк у них был главной формой эксплуатации крепостных крестьян.

С развитием денежного оброка и превращением его в основную форму эксплуатации часть продукта крепостного труда производитель обязан прежде превратить в товар. Таким образом связь крестьянского хозяйства с рынком становится законом. В связи с этим меняется характер всего феодального способа производства, ломаются рамки его натуральности, крестьянское хозяйство приобщается к общественному производству. В экономической жизни крестьян приобретает особо важное значение та часть продукта их труда, которая должна быть превращена в товар-деньги. Однако несмотря на огромные изменения в крестьянском хозяйстве, базис его попрежнему оставался тот же, что и при ренте продуктами.

Высокоразвитые товарно-денежные отношения, которые сложились в первой четверти XIX века в С.-Петербургской губернии делали денежный оброк самой удобной и выгодной формой ренты,

Рост денежного оброка гнал крепостных в города на заработки, прочно связывая их с рынком как продавцов рабочей силы, и как покупателей продуктов и промышленных товаров. Личное же хозяйство крестьян приходило в упадок, переставая быть источником их жизни. Ярким примером этому может служить положение крестьян села Вознесенского Шлиссельбургского уезда, принадлежавшего графу Шереметеву. Если в 1799 году общая сумма оброка села Вознесенского составляла 498 рублей 10 копеек или по 9 рублей на тягло, то к 1809 году оброк возрос до 19 рублей 51 копейки на тягло.

Крестьяне огромного владения графа Пален в Царскосельском уезде также находились на оброке. Пален исчислял оброк с 2568 человек мужского пола по 10 рублей с души. Таким образом, подушный оброк в сумме 25,680 рублей составлял основную статью дохода по имению.

К этому же типу феодально-крепостнических владений можно отнести Красносельское имение царицы Марии Федоровны. В нем числилось по 7-й ревизии 3763 души, состоявших на оброке. По расписанию о сборе доходов на 1820 год был объявлен оброк по 10 рублей с души, итого 37,040 рублей.

Если в крупнейших латифундиях оброк был более или менее одинаковым, то для средних и крупных владений характерно разнообразие размеров оброка и очень часты случаи применения индивидуального оброка.

О размерах оброка, взимавшегося с крестьян Новоладожского

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

уезда помещиками Удаловым, Дмитриевым и Скачковой можно судить по жалобе претендентки на наследство Посевьева, титулярной советницы Смирновой. Не жалея красок, Смирнова сообщила сенату, что Удалов налагает на своих крестьян оброк от 300 до 1000 рублей, а кто не вносит его, заковывает в цепи и отправляет в С.-Петербург для наказания. Помещик же Дмитриев взял с крестьянина Ермолая Иванова оброк в 400 рублей, а помещица Скачкова — 250 рублей с крестьянина Ивана Федорова.

Каждое тягло гостилицких крестьян графа Разумовского платило „оброку 125 рублей и вывозило на своих лошадях из господского леса по сажени дров, что стоит 10 рублей. Сверх сего в зимние месяцы, вместо господской работы, желающие отлучаются на заработки в С.-Петербург с платою помещику в месяц по 10 рублей“. Помещик Ямбургского уезда Федор Блок брал со своих крестьян оброк по 200 рублей с тягла. Помещик Новоладожского уезда Тяглев брал со своих крестьян 150—рублевый оброк с тягла. В 1818 году он наложил на крестьянина деревни Алексинно Николая Максимова 3000 рублей дополнительно.

К концу первой четверти XIX века резко изменилось соотношение барщины и оброка как основных форм эксплуатации крестьян. По подсчетам В. И. Семевского уже во второй половине XVIII столетия в С.-Петербургской губернии среди повинностей оброк занимал 51⁰/₁₀₀, а к концу первой четверти XIX столетия по подсчетам И. И. Игнатович, процент оброчных достиг 63—64⁰/₁₀₀.

Под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений рента продуктами в С.-Петербургской губернии приняла замаскированную форму того же денежного оброка.

О том, как это осуществлялось, образно рассказывает „красноречивый“ приказ помещика Тяглева своему старосте. „А что ты пишешь цену, что платил по 70 копеек за сига, то ты плати хоть по 70 рублей за сига и икру. Это не мой счет, а твой, а вы должны купить за свои деньги, а что вам дорого или дешево— все для вас“. Эта форма эксплуатации крепостных крестьян под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений утратила свое значение и сохранилась как обломок прошлого.

Открывая промышленное предприятие, помещики произвольно переводили своих крестьян в крепостные рабочие. Из 5274 рабочих, занятых в 1815 году на 192 частных предприятиях губернии, значилось 829 крепостных и 1019 посессионных рабочих. Положение их было исключительно тяжелым.

На ленточной фабрике купца Амбургера в Красном Селе эксплуатировались крестьянские дети и подростки. Амбургер заключал с родителями кабальные договоры на срок от трех до шести лет, которыми предусматривался рабочий день с 4-00 до 21-00 часа с перерывами на завтрак и обед. Труд строго регламентировался условиями договора.

3-я глава посвящена крестьянскому движению в С.-Петер-

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

бургской губернии в последнем десятилетии XVIII и первой четверти XIX веков.

Уже к концу XVIII века вопрос о крепостных крестьянах превратился в одну из самых сложных проблем, к которой представители господствующего класса прикасались с великим страхом. Еще Екатерина II высказалась в том смысле, что крестьянский вопрос — дело весьма трудное, „где только начнут его трогать, он инде не поддастся“. При вступлении на престол Павла I из 52 губерний Российской империи в 32 были отмечены крестьянские волнения, подавленные с жесткостью.

Начало царствования Александра I хотя и характеризуется некоторым „затишьем“, зато процессе обнищания и разорения крестьян протекал в это время бурно и в больших масштабах.

Конец XVIII и первая четверть XIX веков характеризуются огромным количеством конфликтов между помещиками и крестьянами Петербургской губернии.

Однако когда дело доходило до открытого столкновения, то соотношение сил всегда было не в пользу борющихся крестьян. Против стихийно раздробленных и неорганизованных „выступлений“ крестьян господствующий класс в любую минуту мог выставить полицию и огромную армию, располагавшуюся в столице и вокруг нее.

Из 22 известных автору случаев неповиновения крестьян С.-Петербургской губернии в изучаемый период 13 носили явно пассивный характер, 4 случая сопровождалась нападением крестьян на личность управляющего, либо помещика, захватом хлеба, сена и даже земли; в пяти случаях неповиновение приняло боевой характер, обусловившее применение воинских сил для его подавления. Приведу несколько примеров.

14 декабря 1796 года 866 душ крестьян Порогской вотчины Новолодожского уезда собрались на сход, чтобы договориться относительно помыток помещика Шкурни увеличить денежный оброк. Они избрали ходоков во главе с Сильверстом Слоновым, которые отправились в столицу. При попытке подать жалобу царю они были арестованы, судимы и наказаны по десяти ударов палкой. Борьба, возглавляемая Слоновым, продолжалась около трех лет и закончилась поражением крестьян.

Помещик Новолодожского уезда Удалов высоким оброком и эпизодическими поборами довел своих крестьян до нищеты. Часть крестьян покинули избы и решили спастись бегством. Оставшиеся подали прошение на имя новолодожского предводителя дворянства Савицкого, в котором сообщали, „что некоторые крестьяне уже оставили свои жилища и скитаются по миру“, а другие находятся в „бедственном положении“. Удалов оставил без внимания сделанные ему властями указания об облегчении положения крестьян.

Аналогичный характер носила борьба крестьян того же уезда, принадлежавших помещику Тяглеву, душившему своих крепостных стопятидесятирублевым оброком да произвольными поборами

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

от одной до трех тысяч рублей. Борьбу в течение двух лет возглавил крестьянин Алексин-Максимов.

Значительным событием в истории крестьянского движения Петербургской губернии было неповиновение крестьян 23 деревень Ямбургского уезда, принадлежавших барону Унгерн-Штернбергу.

Летом 1802 года крестьяне отказались выполнять барщину. В ответ власти высекли нескольких зачинщиков в присутствии схода. Возмущенные крестьяне заявили, что „для объявления лично государю императору своих неудовольств противу помещика и дабы не быть наказанными за то, пойдут пятьсот человек и более, ибо де такового множества всех кнутом не пересякут“. Встревоженные власти попытались помешать осуществлению этого замысла. Тогда крестьяне все как один ушли в леса, где и находились до глубокой зимы. В конечном итоге неповиновение было подавлено в 1803 году при участии воинских и полицейских сил. По приказу царя 26 семей были сосланы в Сибирь на поселение.

Следующая группа крестьянских выступлений характеризуется боевыми чертами, вплоть до нападения на имения помещиков. Крестьяне Поволожского уезда в 1808 году напали на имение своей помещицы Скольской, разгромили амбары, захватили запасы ржи, овса, сена и разделили между собой. Была захвачена пустошь и также поделена между крестьянами. В связи с этим власти арестовали 35 человек и передали их суду.

Осенью 1812 года взбунтовались крестьяне деревни Межны Царскосельского уезда, принадлежавшие барону Черкасову. Собравшись у дома управляющего, они угрожали убить его и сжечь имение. Вот как характеризовал неповиновение крестьян сам Черкасов в своем отношении к царскосельскому предводителю дворянства Белю. „Прошу покорнейше таковой беспорядок, если возможно, скорее прекратить и не дать ему усилиться, ибо таковой крестьян мятеж может от деревни к деревне и вдоль распространиться“. Страх барона Черкасова вводит нас в мир тревожных настроений, который переживали помещики Петербургской губернии.

В течение шести лет вели упорную борьбу крестьяне деревень Заозерье, Коледухи, Завужье и других Гдовского уезда против помещика-арендатора Кленовского. Непосредственной причиной к выступлению послужил факт захвата помещиком части крестьянской земли и введение арендной платы за землю сверх оброка. Летом 1804 года крестьяне напали на имение, разграбили его, захватили отчужденную землю и распахали под пашни. Для расследования этого события на место выехал уездный чиновник Шаблыкин, который донес начальству следующее: „Усиливаясь бунтом и буйством, завладели оную землю, испортили межи, столбы разобрали и причинили ему (помещику В. К.) немалые убытки и разорения“.

В 1809 году крестьяне возобновили борьбу в более острой

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

форме. Вооружившись вилами, топорами и дубинами, они вновь напали на имение, захватили лошадей, повозки, сбрую, используя все это для перевозки на свои гумна скошенного помещичьего урожая. Одновременно группа крестьян во главе с беглым солдатом по кличке „Волченоч“ напала на помещика, „покушаясь на жизнь его“.

Особого научного внимания заслуживает волнение среди гостилицких крестьян Ораниенбаумского уезда, принадлежавших графу П. К. Разумовскому. Причиной неповиновения крестьян послужили непомерно возросшие барщинные и оброчные повинности, а также изуверская система наказания крестьян.

Летом 1821 года крестьяне двенадцати деревень, насчитывавших 3555 обоего пола душ, прекратили выполнение барщинных и оброчных повинностей. Одновременно крестьяне тайно направили в столицу ходяков с целью подать царю жалобу, сочиненную бывшим приказчиком графа Разумовского Василием Антоновым.

В Гостилицы была вызвана рота солдат, которую расквартировали по крестьянским избам. Придерживаясь определенной тактики, крестьяне внешне смирились и выказали покорность. Но как только солдаты выехали из деревень крестьяне собрались на тайный сход, где приняли твердое решение продолжать борьбу. 1 января 1822 года группа крестьян во главе с Иваном Кащеевым явилась к управляющему и заявила, что отныне они не признают графа Разумовского своим помещиком, а поэтому никаких повинностей исполнять не будут. После этого в Гостилицы немедленно прибыли пехотные и казачьи части под командованием петербургского обер-полицмейстера генерал-лейтенанта Гладкова. Неповиновение крестьян было подавлено, зачинщики арестованы и преданы суду. 19 января 1822 года крестьяне вышли на барщину.

Гостилицкими событиями занимались уездные и губернские власти; министерства и Совет министров; Сенат и царь. Правительство вынуждено было дважды посылать войска для умирения возмущившихся крестьян.

Есть все основания предполагать, что прогрессивная общественность столицы сочувственно отнеслась к выступлению крепостных графа Разумовского. Как известно К. Рылеев служил чиновником Петербургской палаты уголовного суда, где разбиралось дело преданных суду гостилицких крестьян. В процессе составления обвинительного заключения все были за строгие меры наказания. Только Рылеев смело высказался в защиту подсудимых. Об этом пишет в своих воспоминаниях Бестужев. „Император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе,— все были против (против крестьян В. К.). Один Рылеев взял сторону угнетенных“.

С конца 1825 года и до лета 1826 года волновались крестьяне Успенской и Лисинской мыз, принадлежавших помещику Шлиссельбургского уезда Кусовникову. По делу было аресто-

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

вано 372 человека, но это не помогло. Неповиновение было в конце-концов подавлено при помощи войск.

В заключение можно сделать следующие выводы, могущие объяснить некоторые особенности крестьянского движения в С.-Петербургской губернии.

1. В конце XVIII и первой четверти XIX веков крестьянское движение столичной губернии приняло массовый характер. Однако в силу конкретных исторических условий ни одно из выступлений крестьян против своего помещика ни разу не переросло в восстание против крепостнического режима в целом. Это объясняется наличием огромного столичного рынка труда, почти всегда представлявшего более или менее реальную возможность иметь какой-то заработок. Этот фактор в какой-то мере разлагал силы крестьянского движения и ослаблял боевой потенциал их борьбы против крепостнического строя в целом.

2. Близость столицы, наличие мощного полицейского, судебного и военного аппарата давали господствующему классу огромное превосходство над борющимися крестьянами. Для поддержания внутреннего и международного престижа русского самодержавия правительство не жалело сил и средств, чтобы обеспечить „порядок“ в столичной губернии.

Перечисленными обстоятельствами можно объяснить тот факт, что на всем протяжении истории крестьянского движения С.-Петербургской губернии оно ни разу не переросло рамки борьбы против собственных помещиков и не вылилось в массовое движение против крепостнического режима в целом. Однако умалить значение крестьянского движения в С.-Петербургской губернии, отражавшего общий процесс разложения крепостнической системы в России, нет основания,

* 20504173 *